

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
ГЕОРГІЯ КОНИСКАГО

АРХІЕПІСКОПА БІЛОРУССКАГО,
изд. Протоієрея Іоаннолю Григоровичемъ С. П. б. 1835.

Георгій Конискій извѣстенъ у насъ краткой рѣчью, которую произнесъ онъ въ Мстиславль Императрицѣ Екатеринѣ во время Ея путешествія въ 1787 году: « Оставимъ Астрономамъ »... и проч. Рѣчь сія, прославленная во всѣхъ нашихъ реторикахъ, не что иное, какъ остроумное привѣтствіе и заключаетъ въ себѣ игру выраженій, можетъ быть, слишкомъ затѣйливую: по нашему мнѣнію, привѣтствіе, коимъ Высокопреосвященный Филаретъ встрѣтилъ Государя Императора, прїѣхавшаго въ Москву въ концѣ 1830 года, въ своей умилительной простотѣ заключаетъ гораздо болѣе истиннаго краснорѣчія. Впрочемъ различіе обстоятельствъ изъясняетъ и различіе чувствъ, выражаемыхъ обоими ораторами. Императрица путешествовала, окруженнаго всею пышностью Двора Своего, встрѣчаемая всюду торжествами и празднествами; Государь посѣтилъ Москву, опустошаемую заразой, пораженную скорбью и ужасомъ.

Но Георгій есть одинъ изъ самыхъ достопамятныхъ Мужей минувшаго столѣтія. Жизнь его при-

надлежить Исторіи. Онъ вступиль въ управлениe своею Епархіей, когда Бѣлоруссія находилась еще подъ игомъ Польши. Православіе было гонимо Католическимъ фанатизмомъ. Церкви наши стояли пусты, или отданы были Уніятамъ. Міссіонеры насильно гнали народъ въ Уніятскіе кастёлы, ругались надъ ослушниками, сѣкли ихъ, заключали въ темницы, томили голодомъ, отымали у нихъ дѣтей, дабы воспитывать ихъ въ своей вѣрѣ, уничтожали браки, совершенные по обрядамъ нашей Церкви, ругались надъ могилами православныхъ. Георгій искаль защищты у Русскаго Правительства; онъ доносиль обо всемъ св. Синоду, и жаловался нашему Посланнику, находившемуся въ Варшавѣ. Ревность его пуще озлобила гонителей. Доминиканецъ Овлачинскій, прославившійся ненавистю къ нашей Церкви, замыслилъ принести Георгія въ жертву своему изувѣрству. Въ 1759 году Георгій, презирая опасности, ему угрожающія, поѣхалъ обозрѣвать сѣтующую свою Епархію. Овлачинскій и міссіонеры возмутіли въ Оришѣ шляхту и жолнеровъ. Они разогнали народъ, вышедшій съ хоругвями навстрѣчу своему Архипастырю, остановили колокольный звонъ, и съ воплемъ ворвались въ церковь, гдѣ Георгій священнодѣйствовалъ. Преосвященный едва успѣль спастись отъ ихъ сабель въ стѣнахъ Кутеинскаго монастыря, откуда тайно вывезли его въ телегѣ, прикрывъ навозомъ. Другой изувѣръ, свирѣпый Зеновичъ, предводительствул Езуитскими воспитанниками, ночью въ Могилевѣ напалъ на Архіерейскій домъ. Буйные молодые люди вломились въ ворота,

перебили окна , ранили нѣсколько монаховъ , семинаристовъ и слугъ ; но къ счастію не нашли Георгія , скрывшагося въ подвалахъ своего дома.

Дерзость гонителей чашь отъ часу усиливалась. Польское Правительство имъ потворствовало. Миссіонеры своевольничали , поносили Православную Церковь , лестью и угрозами преклоняли къ Унії не только простой народъ , но и священниковъ. Георгій снова жаловался Россіи. Императрица Елизавета Петровна , передъ самой Своей кончиною , и Государь Петръ III , при Своемъ восшествіи на престолъ , требовали отъ Польскаго Двора , чтобы гоненія надъ нашими единовѣрцами были прекращены; но избавленіе православія предоставлено было Екатеринѣ II.

Георгій предсталъ передъ Нейо въ 1762 году въ Москвѣ , когда Она короновалась , и въ слѣдъ за Русскимъ духовенствомъ принесъ Ей вмѣстѣ съ поздравленіями тихія сѣтованія народа , издревле памъ роднаго , но отчужденаго отъ Россіи жребіями войны. Екатерина съ глубокимъ вниманіемъ выслушала печальную рѣчь представителя будущихъ Ея подданныхъ , и когда , нѣсколько времени спустя , св. Синодъ думалъ вызвать Георгія и поручить въ его управление Псковскую Епархію , Императрица нато не согласилась и сказала: »Георгій нуженъ въ Польшѣ .«

Въ 1765 Георгій явился въ Варшавѣ и предъ трономъ Станислава съ жаромъ заступился за

тѣхъ, которые именовались еще подданными Польши. Король пораженъ быль его словами. Онъ объщалъ свое покровительство диссидентамъ, и въ слѣдующемъ году дѣйствительно повелѣлъ »Уніятскому Архіереяму, изъ среды своей избравъ одного Епископа, прислатъ въ Варшаву, для изысканія и постановленія надлежащихъ мѣръ ко взаимному успокоенію враждующихъ.» Но гордые Польские Магнаты, презрѣвъ посредничество Россіи и Пруссіи, отвергли справедливыя требованія диссидентовъ. Въ слѣдствіе сего Екатерина повелѣла Своимъ войскамъ двинуться къ Варшавѣ. Тамъ, за оградою Русскихъ штыковъ, созванъ быль Сеймъ, учреждена согласительная Коммісія и диссидентамъ возвращены ихъ прежнія права.

Георгій, одинъ изъ первыхъ членовъ Слуцкой конфедерациі, опредѣленъ быль въ члены сей Коммісіи. Онъ опять отправился въ Варшаву и дѣятельно занялся объясненіемъ древнихъ грамотъ, на коихъ основаны были права диссидентовъ. Онъ умѣль пріобрѣсти уваженіе своихъ противниковъ и даже ихъ довѣренность. »Мы за вами еще живемъ, сказалъ однажды ему Уніатскій Епископъ Шептицкій, а когда Католики васъ догрызутъ, то примутся и за насъ.« Уніаты втайне готовы были отложитьсь оть Папы и снова соединиться съ Греко-Россійскою Церковью. Между тѣмъ Барская конфедерациі, поддерживаемая политикою Шуазеля, воспламенила новую войну. Слѣдствіемъ оной быль первый раздѣлъ Польши. Семь областей, древнес

достояніе нашего отечества, были ему возвращены — и въ 1773 году Георгій явился предъ Екатериною, уже какъ подданный, радостно привѣтствуя Избавительницу и законную Владычицу Бѣлоруссіи.

Съ тѣхъ поръ Георгій могъ спокойно посвятить себя на управлениe своею Епархіею. Просвѣщеніе Духовенства, ему подвластнаго, было главною его заботою. Онъ учреждалъ училища, безпрестанно поучалъ свою паству, а часы досуга посвящалъ ученымъ занятіямъ. Онъ умеръ въ 1795 году, будучи 77 лѣтъ отъ роду.

Нынѣ Протоіерей І. Григоровичъ издалъ собрание сочиненій Георгія Конискаго, присовокупивъ къ книгѣ своей любопытное и прекрасно изложенное жизнеописаніе Георгія Конискаго.

Проповѣди Георгія просты, и даже нѣсколько грубы, какъ поученія старцевъ первоначальныхъ; но ихъ искренность увлекательна. Политическая рѣчи его имѣютъ большое достоинство. Лучшая изъ нихъ произнесена имъ Екатеринѣ, по совершении Ея коронованія. Помѣщаемъ здѣсь нѣсколько изъ его отдельныхъ мыслей:

»Для молитвы посты есть тоже, что для птицы крылья.

*

Когда грѣшникъ, не хотящій покаяться въ беззаконіяхъ своихъ, молится Богородицѣ и вопіетъ

Ей: *радуйся!* то привѣтствіе сіе столько же оскорбляетъ Ее, какъ и то Іудейское *радуйся*, когда распинатели Христовы, ударяя въ ланиту Божественнаго Сына Ея, приглашали: *радуйся, Царю Іудейскому!**. Ибо нераскаянныи грѣшникъ есть новый распинатель Христовъ **. Да ищемъ убо заступленія и покрова Ея, но оставимъ напередъ грѣхи свои: ибо съ грѣхами и изъ подъ-ризы своея изринеть насъ.

*

Душа бессмертная, отъ бреннаго тѣла, какъ птица изъ разтерзанной сѣти, весело взлетѣвши, воспаряетъ въ рай Богонасажденный, гдѣ вѣчно цвѣтеть древо жизни, гдѣ жилище Самому Христу и Избраннымъ Его.

*

Тѣлеса наши, въ гробахъ согнившія и въ прахъ разсыпавшіяся, возникнутъ отъ земли, какъ трава весною, и по соединеніи съ душами востанутъ, и укажутся всему небу, предъ очами Ангеловъ и чловѣковъ, предъ очами предковъ нашихъ и потомковъ, одни яко пшеница, другія же яко плевелы, ожидая серповъ Ангельскихъ, и того мѣста, которое назначено, особо для пшеницы, и особо для плевель.

*

Вниди въ кльть твою и помолися ***. Такая уединенная молитва и въ соборѣ можетъ имѣть мѣсто, если молящійся уединился отъ всѣхъ заботъ и по-

* Мате. 27, 28. ** Евр. 6, 6.

*** Мате. 6, 6.

печеній, и пребываетъ безмолвенъ среди молвы, его окружающей; если онъ, отрясши отъ чувствъ своихъ всѣ страсти и вожделѣнія, единъ съ единствомъ Богомъ бесѣдуетъ. Авраамъ, ведя сына своего Исаака на закланіе, говоритъ сопровождающимъ: *спѣди-те здѣль со ослытаемъ, азъ же и дѣтищъ пойдемъ до онѣде, и поклонившесѧ, возвратимся къ вамъ**. Такъ истинно молящійся, страстямъ своимъ, аки рабамъ, повелѣваетъ оставить его и ожидать, пока онъ молитву свою Богу, аки Исаака, въ жертву принесеть. О, сколь отличны отъ сего молитвы наши! Мы и въ уединеніи цѣлое торжище вокругъ себя собираемъ. Молясь, и покупаемъ, и продаемъ, и хозяйствомъ управляемъ, и о лихоимствѣ заботимся, и друзьямъ ласкательствуемъ, и на враговъ вооружаемся, и о счастяхъ помышляемъ, и о сундукахъ своихъ трепещемъ. Подлинно, се ли молитва, и не паче ли торжище, молвы пресполненнное? Гдѣ тутъ умъ, разумѣюющій глаголы свои? Гдѣ сердце, существующее прилѣпиться къ Богу? Одни уста трубятъ и языкъ какъ кимваль звякаетъ; а мысли какъ птицы въ воздухѣ, по всѣмъ стра намъ носятся, а сердце хладно, какъ бездушный трупъ, закрытый вмѣстѣ съ сокровищемъ нашимъ.

*

Іосифъ, проданный братіями своими во Египетъ, содѣлавшись правителемъ царства, далъ имъ въ у дѣль самую богатую землю, Гесемъ именуемую **.

* Быт. 22, 5.

** Быт. 47. 6. п.

Сынъ Божій, по безмѣрной благости Своей, соединившійся съ нашею природою, и такимъ образомъ содѣлавшійся Братомъ нашимъ, даетъ намъ, не часть иѣкую области небесной, но все царство Свое нераздѣльно. Небо отверсто для нась; престолы уготованы; объятія Божественнаго Брата нашего ждутъ насть. Пойдемъ, полетимъ къ Нему: но прежде должны мыбросить съ себя всю тяготу мірскую, влекущую нась къ землѣ.

*

Невѣрующему чудесамъ мы смѣло можемъ сказать съ блаженнымъ Августиномъ: «Большее изъ всѣхъ чудесъ чудо есть то, что двадесять человѣкъ, безкнижныхъ, безоружныхъ, нишихъ, проповѣдывавшихъ крестъ, побѣдили, не только Владыкъ и сильныхъ земли, но и самихъ боговъ языческихъ, и цѣлый свѣтъ Христу покорили.» Ты возразишь мнѣ на сіе, что сіи побѣдители міра сами были умерщвлены, и ни одинъ почти изъ нихъ не кончилъ жизни безъ мученій, безъ креста, меча и огня. Но вотъ мой краткій отвѣтъ: на то и посланы были сіи побѣдители своимъ Воеводою: *Се азъ посылаю васъ, яко овцы посредь волковъ: предадять вы на сонмы, и на соборицахъ избиють васъ* *. Особое убо чудо міру и печать истины Евангельской есть страдальческая смерть посланниковъ-побѣдителей. Но посмотри, что съ сими убіенными послѣдовало? Цари перстъ ихъ почитаютъ, и отложивъ порфиру и вѣнецъ, благоговѣйно преклоняютъ колѣна предъ гробами ихъ.

*

* Мато. 10, 16, 17.

Нигдѣ не читаемъ, чтобы язычники страдали такъ за своихъ идоловъ, какъ Мученики Христіанскіе за вѣру Христову. Да и въ нынѣшихъ богооборныхъ сонмищахъ атеистовъ и натуралистовъ, въ главныхъ гнѣздахъ ихъ, во Франціи и Англіи, нашелся ли хотя одинъ такой ревнитель, который бы за безбожіе свое или натурализмъ произвольно на муки дерзнулъ? У насъ, въ Россіи, за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, известный боляринъ, уличенный въ безбожіи, однимъ показаніемъ кнута отрекся того.

*

Говорятъ многіе: почему молитвы наши ни чудесъ не творятъ, ни лучшей перемѣны въ насъ не производятъ. Ахъ, стыдно и воспоминать молитвы наши! Объ нихъ можно тоже сказать, что сказалъ кормчій одному бывшему на кораблѣ беззаконнику. Когда, во время сильной и опасной бури, всѣ плаватели обратились къ молитвѣ, и вмѣстѣ съ ними и онъ беззаконникъ нѣчто промолвили; то кормчій остановилъ его сими словами: «ты, пожалуй, молчи; не знаетъ Богъ, что и ты съ нами, и потому еще между отчаяніемъ и надеждою находимся; а какъ услышитъ твою святую молитву, такъ мы и погибли.» Достойна ли молитва имени своего, когда она въ однихъ устахъ обращается, а умъ не помнить и не знать того, что болтаетъ языкъ? Читаемъ: *глаголы молвиши, Господи, разумѣй званіе мое*^{*}; а сами ни глаголовъ не внушаемъ, ни званія нашего не разумѣемъ. Такая молитва перемѣнить ли насъ, окаянныхъ и грѣш-

* Псал. 5, 2.

ныхъ, въ добрыхъ и богоугодныхъ? Грѣшными въ церковь приходимъ, грѣшишими выходимъ.

*

Радость плотская ограничивается наслажденiemъ; но мѣрѣ, какъ затихаетъ веселый гудокъ, затихаетъ и веселость. Но радость духовная есть радость вѣчная; она не умалится въ бѣдахъ, не кончается при смерти, но переходитъ и по ту сторону гроба.

*

Важны ли добрыя дѣла наши въ дѣлѣ спасенія? Я объясню тебѣ вопросъ сей подобиемъ. Возьми не большой кусокъ мѣди, и понеси его на торжище; тамъ за него ты ничего не купишь; всякой съ насмѣшкою скажетъ тебѣ известную пословицу: »приложи копѣйку, то купишь калачъ.« Но ежели тотъ самый металлъ будетъ имѣть изображеніе Государя твоего, или другой знакъ Его монеты; то купишь за него что тебѣ надобно. Такъ точно и дѣла наши. Ежели ты не имѣешь Вѣры и упованія на Христа Спасителя, не сомнѣвайся признать, что они суетны. Но тѣ самыя дѣла совокупи съ Вѣрою и упованіемъ на Него, тогда они будутъ важны; и если потребно тебѣ откупиться отъ грѣховъ, или купить небесныя вѣчныя утѣхи, купишь ими несомнѣнно.

*

Мы познаемъ разумомъ души; а тѣлесныя очи суть какъ бы очки, чрезъ кои душевныя очи смотрятъ.

*

Чужій грѣхъ на мнѣ не лежитъ. Но если чужій грѣхъ содѣвается моимъ совѣтомъ, согласіемъ или

неосторожнымъ примѣромъ; тогда онъ не только лежитъ на мнѣ, но какъ жерновъ тяготитъ душу мою. Горе человѣку тому, говорить Самъ Спаситель, имъ же соблазнъ приходитъ *. Дѣйствительно, грѣхъ соблазна прежде меня, прежде моей смерти, предшествуетъ на Судъ Божій, и уже по кончинѣ моей слѣдуетъ туда же за мною. Скажу тоже иными словами. Всѣ соблазненные примѣромъ моимъ, и прежде меня позванные на Судъ Божій, уже понесли туда грѣхи мои. Убо уже готовы для меня муки. Но тутъ еще не все. Я умеръ, и пересталъ грѣшить: но всѣ соблазненные мною, и при томъ всѣ, отъ соблазненныхъ мною вновь соблазняемые, оставаясь еще въ сей жизни, посымаются, въ слѣдъ за мною, безчисленныя беззаконія, отъ единаго примѣра моего, яко отъ единаго блата, истекающія. Убо готовы для меня новыя, сугубыя мученія! Вотъ какъ ужасенье грѣхъ соблазна, ужаснѣе многоглавой Лернейской гидры! «

Конискій написаль также нѣсколько стихотвореній Русскихъ, Польскихъ и Латинскихъ. Въ художественномъ отношеніи они имѣютъ мало достоинства, хотя въ нихъ и видѣнъ духъ мыслящій. Слѣдующая элегія показалась намъ достопримѣчательна:

Серпа ожидаютъ созрвые классы;

А намъ вѣстники смерти — сѣдыя власы.

О! смертный, беспечный, посмотри въ зерцало:

Ты сѣдъ, какъ пятьдесятъ лѣтъ тебѣ миновало.

* Мато. 18, 7.

Какъ же ты собрался въ смертную дорогу?

Съ чѣмъ ты предстанешь Правосудному Богу?

Путь смертный безвѣстенъ, и полонъ разбол:

Искусснаго, храбраго требуетъ конвол.

Кто жъ тебя поведеть, и за тебя сразится?

Другъ, проводивъ тебя къ гробу, въ домъ возвратится.

Изнеможень, пѣшій, таща грѣховъ иошу!

Ахъ! тутъ-то нужно имѣть подмогу хорону,

Подмогу, какая дана Сикеоту:

Но — та дана слезамъ, кровавому поту.

А ты много ли плакаль за грѣхі? Считайся.

Не весь ли вѣкъ твой есть цѣпь грѣховъ? Признайся.

Ахъ! вижу, ты нагимъ, какъ родила мать:

Ни лоскута на душѣ твоей не сыскать!

Повѣрь же, не видишь въ небесны чертоги:

Въ адъ тебя избринуть, связавъ руки, поги.

Безъ масла дѣль благихъ гаснетъ свѣча Вѣры;

Затворятся брачныя бунимъ дѣвамъ двери;

Можетъ быть, при смерти, «помни мя» скажешь,

И тѣмъ уста свои навсегда завлаженъ.

И такъ, доколѣ древа топоръ не коснется,

Плодъ добрыхъ дѣль тебѣ принесть остается.

Но главное произведеніе Конисскаго остается до сихъ поръ неизданнымъ: *Исторія Малороссіи* известна только въ рукописи. Георгій написалъ ее съ цѣлію Государственною. Когда Императрица Екатерина учредила Комиссію о составленіи новаго Уложенія, тогда, депутатъ Малороссійскаго Шляхетства, Андрей Григорьевич Полетика обратился къ Георгію, какъ къ человѣку, свѣдущему въ старинныхъ правахъ и постановленіяхъ сего края. Конисскій, справедливо полагал, что одна только *Исторія народа*

да можетъ объяснить истинныя требованія онаго, принялся за свой важный трудъ и совершилъ его съ удивительнымъ успѣхомъ. Онъ сочеталъ поэтическую свѣжестъ лѣтописи съ критикой, необходимой въ Исторіи. Не говорю здѣсь о нѣкоторыхъ этнографическихъ и этимологическихъ объясненіяхъ, помѣщенныхъ имъ въ началѣ его книги, которыя перенесъ онъ въ Исторію изъ хроники, не видя въ нихъ никакой существенной важности и не находя нужнымъ противорѣчить общепринятымъ въ то время понятіямъ. Подъ словомъ *kritiki* я разумѣю глубокое изученіе достовѣрныхъ событий и ясное, остроумное изложеніе ихъ истинныхъ причинъ и послѣдствій.

Смѣлый и добросовѣстный въ своихъ показаніяхъ, Конисскій не чуждъ нѣкотораго невольнаго пристрастія. Ненависть къ изувѣрству Католическому и угнетеніямъ, коимъ онъ самъ такъ дѣятельно противился, отзывается въ краснорѣчивыхъ его повѣстѣваніяхъ. Любовь къ родинѣ часто увлекаетъ его за предѣлы строгой справедливости. Должно замѣтить, что чѣмъ ближе подходитъ онъ къ настоящему времени, тѣмъ искреннѣе, небрежнѣе и сильнѣе становится его разсказъ. Онъ любить говорить о подробностяхъ войны, и описываетъ битвы съ удивительною точностію. Видно, что сердце дворянина еще бьется въ немъ подъ иноческою рясою (Конисскій происходилъ отъ стариннаго шляхетскаго рода, и этимъ вовсе не пренебрегалъ, какъ видно даже изъ эпитафіи, вырѣзанной надъ его гробомъ и

сочиненной имъ самимъ). Множество мѣсть въ Исторіи Малороссіи суть картины , начертанныя кистью великаго живописца. Дабы дать о немъ нѣкоторое понятіе тѣмъ, которые еще не читали его , помѣщаемъ здѣсь два отрывка изъ его рукописи.

Введение Унії.

» По истребленіи Гетмана Наливайки такимъ неслыханнымъ варварствомъ, вышелъ отъ сейму или отъ вельможъ, имъ управлявшихъ, таковъ же варварскій приговоръ и на весь народъ Русской. Въ немъ объявленъ онъ отступнымъ, вѣроломнymъ и бунтливымъ и осужденъ въ рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе. Слѣдствіемъ сего Нероновскаго приговора было отлученіе навсегда депутатовъ Русскихъ отъ сейма національного и всего Рыцарства, отъ выборовъ и должностей правительственныйхъ и судебныхъ, отборъ староствъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній отъ всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ Русскихъ, и самихъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство Русское названо хлопами, а народъ, отвергавшій Унію, схизматиками. Во всѣ правительственные и судебные уряды Малороссійскіе посланы Поляки съ многочисленными штатами ; города заняты Польскими гарнизонами, а другія селенія ихъ же войсками; имъ дана власть все то дѣлать народу Русскому, что сами захотять и придумаютъ, а они исполняли сей наказъ съ лихвою , и что только замыслить можетъ своевольное , надменное и пьяное человѣчество , дѣлали

то надъ несчастнымъ народомъ Русскимъ безъ у-
грызенія совѣсти; грабительства, насилие женщинъ
и самыхъ дѣтей, побои, мучительства и убийства
превзошли мѣру самыхъ непросвѣщенныхъ вар-
варовъ. Они, почитая и называя народъ неволь-
никами, или ясыромъ Польскимъ, все его имѣніе
признавали своимъ. Собиралихся вмѣстѣ нѣ-
сколькихъ человѣкъ для обыкновенныхъ хозяйствен-
скихъ работъ или празднествъ, тотчасъ съ побоями
разгоняли, на разговорахъ ихъ пытками изтязывали,
запрещая навсегда собираться и разговари-
вать вмѣстѣ. Церкви Русскія силою и гвалтомъ
обращали на Унію. Духовенство Римское, разъез-
жавшее съ триумфомъ по малой Россіи для над-
смотра и понужденія къ Уніатству, вожено было
отъ церкви до церкви людьми, запряженными
въ ихъ длинныя повозки по двѣнадцати человѣкъ и болѣе. На прислуги сему духовенству вы-
бираемы были Поляками самыя красивѣйшія изъ
дѣвицъ. Русскія церкви несогласовавшихся на
Унію прихожанъ отданы жидамъ въ аренду, и
получена за всякую въ нихъ отправку денежная
плата отъ одного до пяти талеровъ, а за креще-
ніе младенцевъ и похороны мертвыхъ отъ одного
до четырехъ талеровъ. Жиды, яко непримиримые
враги Христіанства, сіи вселенскіе бродяги и прит-
ча въ человѣчествѣ, съ восхищеніемъ принялись
за такое надежное для нихъ скверноприбытчество,
и тотчасъ ключи церковные и веревки колоколь-
ныя отобрали къ себѣ въ корчмы. При всякой
требѣ христіанской повиненъ ктиторъ идти къ

жиду торжиться съ нимъ, и по важности отправы, платить за нее и выпросить ключи ; а жидъ при томъ, насытившись довольно богослуженію христіанскому и прехуливши все христіанами чинимое, называя его языческимъ или по ихъ Гойскимъ, приказывалъ ктитору возвращать ему ключи, съ клятвою , что ничего въ запись не отказано.

Страданіе и отчаяніе народа увеличилось новымъ приключениемъ , сдѣлавшимъ еще замѣчательную въ сей землѣ эпоху. Чиновное шляхетство Малороссійское, бывшее въ воинскихъ и земскихъ должностяхъ , не стерпя гоненій отъ Поляковъ и не могши перенестъ лишенія мѣстъ своихъ , а паче потеряня ранговыхъ и нажитыхъ имѣній, отложилось отъ народа своего и разными происками , посулами и дарами закупило знатнѣйшихъ урядниковъ Римскихъ, сладило и задржало съ ними , и мало по мало согласилось первѣ на Унію, потомъ обратилось совсѣмъ въ Католичество Римское. Въ послѣствії , сіе шляхетство , соединяясь съ Польскимъ шляхествомъ свойствомъ, сродствомъ и другими обязанностями, отреклось и отъ самой породы Русской , и всемѣрно старалось изуродовать природныя названія свои , пріискать и придумать къ нимъ Польское произношеніе и назвать себя природными Поляками. Почему и доднесъ между ними видны фамиліи совсѣмъ Русского названія , каковыхъ у Поляковъ не бывало , и въ ихъ нарѣчіи быть не

могло, напримѣръ: Проскура, Чернецкій, Кисель, Воловичъ, Сокирка, Комарь, Жупанъ и премногія другія, а съ прежняго Чаплины названія Чаплинскій, съ Ходуна Ходневскій, съ Бурки Бурковскій и такъ далѣе. Слѣдствіемъ переворота сего было то, что имѣнія сему шляхетству и должности ихъ возвращены, а ранговыя утверждены имъ въ вѣчность и во всемъ сравнены съ Польскимъ шляхетствомъ. Въ благодарность за то приняди и они въ разсужденіи народа Русскаго всю систему политики Польской, и подражая имъ, гнали преизлиха сей несчастный народъ. Главное политическое намѣреніе состояло въ томъ, чтобы ослабить войска Малороссійскія и разрушить ихъ полки, состоящіе изъ реестровыхъ казаковъ: въ семь они и успѣли. Полки сіи, претерпѣвъ въ послѣднюю войну не малую убыль, не были дополнены другими отъ скарбу и жилищъ казаковъ. Запрещено чинить всяко въ полки вспоможеніе. Главные чиновники воинскіе, перевернувшись въ Поляки, сдѣлали въ полкахъ великия ваканціи. Дисциплина военная и весь порядокъ опущены и казаки реестровые стали нѣчто пресмыкающеся безъ пастырей и вождей. Самые курени казацкіе, бывшіе ближе къ границамъ Польскіхъ, то отъ гоненія, то отъ ласкательствъ Польскихъ, послѣдуя знатной шляхтѣ своей, обратились въ Поляки и въ ихъ вѣру, и составили известныя и понынѣ околицы шляхетскія. Недостаточные реестровые казаки, а паче холостые и мало привязанные къ своимъ жительствамъ, а съ ними и всѣ почти Охочекомонные, перешли въ

Сѣчь Запорожскую и тѣмъ ее знатно увеличили и усилили, сдѣлавъ съ тѣхъ поръ , такъ сказать, сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ казаковъ , въ отечествѣ гонимыхъ ; а напротивъ того знатнѣйшіе Запорожскіе казаки перешли въ полки Малороссійскіе и стали у нихъ чиновниками, но безъ дисциплины и регулы: отъ чего въ полкахъ ихъ видимая сдѣлалась перемѣна.

Казнь Остраницы.

«На мѣсто замученного Павлоги, выбранъ въ 1638 году Гетманомъ Полковникъ Нѣжинскій Степанъ Остраница, а къ нему приданъ въ Советники изъ старого и заслуженного товариства Леонъ Гуня, коего благоразуміе въ войскѣ отмѣнно уважаемо было. Коронный Гетманъ Лянцкоронскій съ войсками своими Польскими не преставаль нападать на города и селенія Малороссійскія и на войска , ихъ защищавшія , и нападенія его сопровождаемы были грабежемъ , контрибуціями , убийствами и всѣхъ родовъ безчинствами и насилиями. Гетману Остраницѣ великаго искусства надобно было собрать свои войска, вездѣ разсѣянныя и всегда преслѣдуемыя Поляками и ихъ шпіонами; наконецъ собрались они скрытыми путями и по ночамъ къ городу Переяславлю, и первое предпріятіе ихъ было очистить отъ войскъ Польскихъ Приднѣпрскіе города, на обоихъ берегахъ сел рѣки имѣющіеся, и возстановить безопасное сообщеніе жителей и

войскъ обѣихъ сторонъ. Успѣхъ соотвѣтствовалъ предпріятію весьма удачно. Войска Польскія, при городахъ и внутри ихъ бывшія, не ожидая никакъ предпріятій казацкихъ, по причинѣ наведенныхъ имъ страховъ послѣднею зрадою и лютостію, надѣ Павлюгою и другими чинами произведенною, ликовали въ совершенной безопасноти, и потому они вездѣ были разбиты; а упорно защищавшіесь истреблены до послѣдняго. Аммуниція ихъ и артиллерія достались казакамъ, и они, собравшись въ одно мѣсто, вооруженные наилучшимъ образомъ, пошли искать Гетмана Лянцкоронскаго, который съ главнымъ войскомъ Польскимъ собрался и укрѣпился въ станѣ при рѣкѣ Старицѣ. Гетманъ Остраница тутъ его засталъ и атаковалъ своимъ войскомъ. Нападеніе и отпоръ были жестокіе и превосходящіе всякое воображеніе. Лянцкоронскій зналъ, какому онъ подверженъ мщенію отъ казаковъ за злодѣйство, его вѣроломствомъ и зрадою произведенное надѣ Гетманомъ ихъ Павлюгою и Старшинами, и для того защищался до отчаянія; а казаки, имъ всегда въ памяти недавно видѣнныя ими на позорищѣ въ городахъ отрубленныя головы ихъ собратій, злобились на Лянцкоронскаго и Поляковъ до остервенѣнія, и потому вели атаку свою съ жестокостію, похожею на нѣчто чудовищное; и наконецъ, сдѣлавши залпъ со всѣхъ ружей и пушекъ и произведши дымъ почти непроницаемый, пошли и поползли на Польскія укрѣпленія съ удивительною отвагою и опрометчивостію, и вломясь въ нихъ, удари-

ли на копья и сабли съ слѣпымъ размахомъ. Крикъ и стоны народный, трескъ и звукъ оружія уподоблялись грозной тучѣ, все повергающей. Пораженіе Поляковъ было повсемѣстно и самое губительное. Они оборонялись однѣми саблями, не успѣвая заряжать ружьевъ и пистолетовъ, и шли задомъ до рѣки Старицы, а тутъ, повергаясь въ нее въ безпамятствѣ, перетопились и загрязли цѣлыми толпами. Гетманъ ихъ Лянцкоронскій, съ лучшою немноговою конницею, завременио бросился въ рѣку, и переправившись черезъ нее, пустился въ бѣгъ, не осматриваясь и куда лошади несли. Станъ Польскій, наполненный мертвѣцами, достался казакамъ съ превеликою добычою, состоящею въ артиллеріи и всякаго рода оружіи и запасахъ. Казаки по сей славной побѣдѣ, воздѣвшіи руки къ Небесамъ, благодарили за нее Бога, поборающаго за невинныхъ и неправедно гонимыхъ. Потомъ, отдавая долгъ человѣчеству, погребли тѣла убіенныхъ и сочли Польскихъ мертвѣцовъ 11,317, а своихъ 4,727 человѣкъ, и въ томъ числѣ Советника Гуню. Управившись съ похоронами и ко-
рыстями, погнались за Гетманомъ Лянцкоронскимъ, и настигнувъ его въ мѣстечкѣ Полонномъ ожидающаго помощи изъ Польши, тутъ атаковали его, запершагосъ въ замкѣ. Онъ, не допустивъ казаковъ штурмовать замка, выслалъ противъ нихъ навстрѣчу церковную процессію съ крестами, хоругвями и духовенствомъ Русскимъ, кои, предлагая миръ отъ Гетмана и отъ всея Польши, молили и заклинали Богомъ Гетмана Остра-

ницу и его войска , чтобы преклонились они на мирныя предложенія. По долгомъ совѣщаніи и учиненныхъ съ обѣихъ сторонъ клятвахъ , собрались въ церковь высланные отъ обоихъ Гетмановъ чиновники, и написавши тутъ трактать вѣчного мира и полной амнистіи , предающей забвенію все прошедшее, подписали его съ присягою на Евангеліи о вѣчномъ храненіи написанныхъ артикуловъ и всѣхъ правъ и привилегій казацкихъ и общенародныхъ. За симъ разошлись войска во свояси.

Гетманъ Остраница , разославъ свои войска, иныхъ по городамъ въ гарнизоны, а другія въ ихъ жилища , самъ, и со Старшинами Генеральными и со многими Полковниками и Сотниками, заѣхалъ въ городъ Каневъ для принесенія Богу благодарственныхъ моленій въ монастырѣ тамошнемъ. Поляки , отличавшіеся всегда въ условіяхъ и клятвахъ непостоянными и вѣроломными , держали трактать съ присягою , въ Полонномъ заключенный , наровнѣ со всѣми прежними условіями и трактатами , у казаковъ съ ними бывшими , то есть , въ одномъ вѣроломствѣ и презорствѣ ; а духовенство ихъ , присвоивъ себѣ непонятную власть на дѣла Божескія и человѣческія , опредѣляло храненіе клятвъ между одними только Католиками своими , а съ другими народами бывшія у нихъ клятвы и условія всегда имъ разрѣшало и отмечало , яко схизматицкія и суду Божію не подлежащія . По симъ страннымъ прави-

ламъ, подлымъ коварствомъ сопровождаемымъ, свѣдавши Поляки чрезъ шпіоновъ своихъ жидовъ о поѣздкѣ Гетмана Остраницы съ штатомъ своимъ безъ нарочитой стражи въ Каневъ, тутъ его въ монастырѣ окружили многолюдною толпою войскъ своихъ, прошедшихъ по ночамъ и байракамъ до самаго монастыря Каневскаго, который стоялъ виѣ города. Гетманъ не прежде узналъ о семъ предательствѣ, какъ уже монастырь наполненъ былъ войсками Польскими, и потому сдался имъ безъ сопротивленія. Они, перевязавъ весь штатъ Гетманской и самого Гетмана, всего тридцать семь человѣкъ, положили ихъ на простыя телеги, а монастырь и церковь тамошніе разграбили допослѣдка, зажгли со всѣхъ сторонъ и сами съ узниками скоропостижно убрались и прошли въ Польшу скрытыми дорогами, боясь погони и нападенія отъ городовъ. Приближалась къ Варшавѣ, построили они узниковъ своихъ пѣшо по два, вмѣстѣ связанныхъ, а каждому изъ нихъ накинули на шею веревку съ петлею, за которую ведены они конницею по городу съ тріумфомъ и барабаннымъ боемъ, проповѣдуя въ народѣ, что схизматики сіи пойманы на сраженіи, надъ ними одержанномъ; а потомъ заперты они въ подземныя тюрьмы и въ оковы. Жены многихъ захваченныхъ въ неволю чиновниковъ, забравши съ собою малолѣтныхъ дѣтей своихъ, отправились въ Варшаву, надѣясь умилостивить и подвигнуть на жалость знатность тамошнюю трогательнымъ представительствомъ дѣтей ихъ за сво-

ихъ отцевъ. Но они симъ пишу только кровожаднымъ тиранамъ умножили и отнюдь имъ не помогли; и чиновники сіи, по иѣсколькихъ дняхъ своего заключенія, повлечены на казнь безъ всякихъ разбирательствъ и отвѣтовъ.

Казнь оная была еще первая въ мірѣ и въ своемъ родѣ, и неслыханная въ человѣчествѣ по лютости своей и коварству, и потомство едва ли повѣрить сему событию, ибо никакому дикому, и самому свирѣпому Японцу, не придется въ голову ся изобрѣтеніе; а произведеніе въ дѣйство устрашило бы самыхъ звѣрей и чудовищъ.

Зрѣлище оное открывала процессія Римская со множествомъ Ксендзовъ ихъ, которые уговаривали ведомыхъ на жертву Малороссіянъ, чтобы они приняли законъ ихъ на избавленіе свое въ чистицу; но сіи, ничего имъ не отвѣчая, молились Богу по своей вѣрѣ. Мѣсто казни наполнено было народомъ, войскомъ и палачами съ ихъ орудіями. Гетманъ Остраница, Обозный Генеральныи Сурмила и Полковники Недригайлло, Боюнъ и Риничъ были колесованы и имъ переломали поминутно руки и ноги, тянули съ нихъ по колесу жилы, пока они скончались; Полковники Гайдаревскій, Бутримъ, Запалтій и Обозные Кизимъ и Сучевскій пробиты желѣзными спицами насквозь и подняты живые на сваи; Есаулы Полковые: Постылицъ, Гарунъ, Сутяга, Подобай, Харчевичъ, Чуданъ, Чурай, и Со-

тники: Чуприна, Околовичъ, Сокальскій, Мировичъ и Ворожбигъ прибиты гвоздями стоячие къ доскамъ, облитымъ смолою, и сожжены медленно огнемъ; Хорунжіе: Могилянскій, Загреба, Скребило, Ахтырка, Потурай, Бурлій и Загнибѣда разтерзаны желѣзными когтями, похожими на медвѣжью лапу; Старшины: Ментляй, Дунаевскій, Скубрій, Глянскій, Завезунъ, Косырь, Гуртовый, Тумарь и Тугай четвертованы по частямъ. Жены и дѣти страдальцевъ онъихъ, увидя первоначальную казнь, наполняли воздухъ воплями своими и рыданіемъ, но скоро замолкли: . . . оставшихся же по матерямъ дѣтей, бродившихъ и ползавшихъ около ихъ труповъ, пережгли всѣхъ въ виду своихъ отцевъ на желѣзныхъ рѣшеткахъ, подъ кои подкидывали уголья и раздували шапками и метлами.

Главные члены человѣческіе, отрубленные у означенныхъ чиновниковъ Малороссійскихъ, какъто: головы, руки и ноги развезены по всей Малороссіи и развѣшены на сваяхъ по городамъ. Разъѣзжавшія при томъ войска Польскія, наполнившія всю Малороссію, дѣлали все то надъ Малороссіянами, что только хотѣли и придумать могли: всѣхъ родовъ безчинства, насилия, грабежи и тиранства, превосходящія всякое понятіе и описание. Они между прочимъ нѣсколько разъ повторяли произведенные въ Варшавѣ лютости надъ несчастными Малороссіянами, нѣсколько разъ варили въ котлахъ и сожигали на угольяхъ дѣтей ихъ въ виду родителей, предавая самыхъ отцевъ

лютѣйшимъ казнямъ. Наконецъ, ограбивъ всѣ церкви благочестивыя Русскія, отдали ихъ въ аренду Жидамъ, и утварь церковную, какъ-то : потиры, дикосы, ризы, стихари и всѣ другія вещи разпродали и пропили тѣмъ же Жидамъ, кои изъ серебра церковнаго подѣлали себѣ посуду и убранство, а ризы и стихари перешли на платье Жидовкамъ ; а сіи тѣмъ передъ Христіанами хвастались, показывая нагрудники, на коихъ видны зна-
ки нашитыхъ крестовъ, ими сорванныхъ. И такимъ образомъ Малороссія доведена была Поляками до послѣдняго разоренія и изнеможенія, и все въ ней подобилось тогда нѣкоему хаосу или смѣщенію, грозящему послѣднимъ разрушеніемъ. Никто изъ жителей не зналъ и не былъ обнадеженъ, кому принадлежитъ имѣніе его, семейство и самое бытіе ихъ, и долго-ли оно продлится? Всякой съ потеряніемъ имущества своего искаль покровительства то у поповъ Римскихъ и Уніатскихъ, то у Жидовъ, ихъ единомышленниковъ, а своихъ непримируемыхъ враговъ, и не могъ придумать за что схватиться.»

Какъ Историкъ, Георгій Конискій еще не оцѣненъ по достоинству, ибо счастливый мадrigаль приносить иногда болѣе славы, нежели созданіе истинно высокое, рѣдко понятное для записныхъ цѣнителей ума человѣческаго и мало доступное для большаго числа читателей.

Протоіерей І. Григоровичъ , издавъ сочиненіе великаго Архіепископа Бѣлоруссіи , оказалъ обществу важную услугу. Будемъ надѣяться , что и великий Историкъ Малороссіи найдетъ себѣ наконецъ столь же достойнаго издателя.
